

Статус второкурсников обязывал: они успели и снискать восторженное поклонение первогодков, и вызвать молчаливое одобрение старших товарищей. Когда праздничный вечер наконец подошел к концу, оба держали в руках внушительную пачку клочков бумаги с адресами и номерами телефонов — дебют, можно сказать, удался на славу.

Время летело незаметно. Наступил Новый год, который парни снова встречали в уютном доме мастера Циня. Старший брат Су на этот раз взял дежурство — вызвался подменить кого-то на работе, — так что за праздничным столом их собралось всего трое.

С утра пораньше они заглянули в общежитие для сотрудников. Чжан Хэн еще на рассвете отправил людей за покупками: набрали свежего мяса и зелени, чтобы вечернее застолье вышло по-настоящему богатым. Гоудань решил устроить для своих работников знатный пир — своего рода праздничный бонус от хозяина.

— Хозяин, а вы вечером с нами праздновать будете? — спросил один из парней.

Гоудань и Ван Сюань частенько заходили сюда обедать. Трёхразовое питание для работников готовила нанятая ими хозяйка дома, почтенная тётушка. Готовила она на совесть, по-домашнему вкусно, и обязательно подавала к столу хоть одно мясное блюдо. По нынешним временам условия для рабочих были просто царскими.

Само собой, за продукты рабочие платили лишь половину — вторую половину Гоудань щедро покрывал из своего кармана. Эту долю вычитывали из ежемесячного жалованья, о чём договорились с самого начала. Сытные, копеечные обеды устраивали всех: дураков питаться на стороне не находилось. Да и готовить самим было накладно, да и некогда — смены у всех расписаны по часам.

Жильё бесплатное, за еду — всего полцены... Для наёмных рабочих у частного условия были невероятно заманчивыми.

Убедившись, что Чжан Хэн всё организовал как надо, Гоудань с улыбкой покачал головой:

— Сегодня не получится. Нам надо вернуться к наставнику Ван Сюаня. Старик совсем один, негоже ему встречать праздник в пустом доме, тоскливо это.

Чжан Хэн понимающе кивнул.

— Ну ладно, мы просто проведать вас зашли. Да вот ещё, прихватили вам баранью ногу — праздничное угощение к столу.

— Спасибо, босс! В такой мороз горячая шурпа из баранины — самое милое дело!

Хотя за праздничным столом в этот раз сидели всего трое, Гоудань не поскупился: накупил

кур, уток, рыбы и свежей баранины. Ван Сюань, поглядев на это изобилие, понял, что у плиты придётся стоять до ночи. Подумав, он решил не мудрствовать, а просто нарубить всё помельче и затеять хого — сытный китайский самовар.

Пока на кухне кипела работа, парни негромко переговаривались.

— Интересно, как там отец справляет? — вздохнул Гоудань, споласкивая зелень. — Купил ли хоть кусочек мяса к празднику? Он ведь у меня экономный до невозможности, небось опять поскромничал.

Ван Сюань разделил его беспокойство:

— Да уж, сердце не на месте. Вот достроим в следующем году дом, переедем, тогда и заберём дядю к себе на праздники. Пусть погостит в столице до самого Праздника весны, а там уж и домой поедет. К тому же в следующем году у нас намечается уйма дел.

— Боюсь только, не согласится он, — покачал головой Гоудань. — Душой прикипел к своей скотине, к родному двору. Эх, жаль, в деревне телефон не провести, так бы хоть звонили почаще.

— И от матушки вестей нет, — добавил он тише. — А ведь я ей и номер наш записал, и Сяохун научил, как звонить. Сказал, чтобы на почту шли, если что — там дежурные всегда помогут набрать.

— Я просил брата Цичжи заглянуть к ним, когда он на родину соберётся, — успокоил его Ван Сюань. — Он звонил на днях, говорит, всё у них в порядке, не переживай.

За окном выла январская стужа, а в доме царило блаженное, напоённое ароматами пряностей тепло. Парни скинули тяжёлую верхнюю одежду, оставшись в простом домашнем белье. Они уселись за низкий столик, заботливо укутанный по краям плотным одеялом, чтобы греть ноги. Нет ничего лучше, чем в такой уютной неге неторопливо опускать ломтики мяса в бурлящий, благоухающий бульон самовара.

Наевшись досыта и уложив отдыхать мастера Циня, парни собрали два увесистых термоса с горячими, только что сваренными пельменями. Решили побаловать однокашников в общежитии — пусть тоже разговятся. В праздники многие студенты откровенно бедствовали, экономя на всём, да и те, у кого водились деньжата, в столовке разносолов не видели. К тому же в студенческой среде выделяться не принято: сядешь обедать один с дорогими яствами перед голодными товарищами — живо прослывёшь гордецом, и дружбе конец. Возникнет та самая невидимая стена, которую потом ничем не прошибить.

Едва Гоудань и Ван Сюань разошлись по своим корпусам, прижимая к груди драгоценную ношу, обе комнаты взорвались радостными криками. Парни мигом похватили жестяные миски и принялись делить сочные, дымящиеся пельмени с мясной начинкой.

— Ли Кай, ну ты даёшь! Вот это по-нашему! Духмяные-то какие! Всё, с этого дня ты мне родной брат!

— Да пошёл ты, — хохотнул Гоудань. — А до этого, значит, чужим был? Ну и неблагодарные же вы хари, сколько я вас прикармливаю! Вы лучше Ван Сюаню мысленно поклонитесь — это он в такой холод весь вечер фарш вручную пластал. Я бы на такой подвиг точно не решился.

— Да шучу я, шучу! Вы же нас постоянно выручаете. Мы только твоего возвращения и ждали, зубами щёлкали. Скажи же, Дэн Цзяхуэй?

Дэн Цзяхуэй картинно закатил глаза:

— Рот бы твой пельменем заткнуть, Чэнь Вэньлай! Жрёт и тарахтит без умолку.

За полтора года совместной учёбы и жизни бок о бок острые углы пообтесались, бывшая настороженность и глухое соперничество сошли на нет.

— Подумаешь, — надулся Чэнь Вэньлай. — Мог бы и помягче назвать, а то чеканит имя-фамилию, будто на партсобрании.

Так, в шуточных перепалках, и крепла их простая студенческая дружба. Случались, конечно, и ссоры — порой до того доходило, что готовы были грудки друг другу набить, но проходил день-другой, и обиды забывались. В сущности, те же дети, только взрослые.

С уходом первых дней января 1987 года в свои права окончательно вступил новый рабочий год. В университете воцарилась суматошная предэкзаменационная пора: сессия нависла над студентами дамокловым мечом, заставив всех изрядно понервничать. Какие бы политические или экономические бури ни бушевали в те годы за стенами вуза, студенчество оставалось под надёжной опекой государства, сохраняя относительный покой.

Для Гоуданя это время выдалось особенно жарким. Приходилось разрываться между лекциями и собственным делом. Логистика, закупки редких товаров с юга, распределение поставок — всё это требовало его личного участия. Чжан Хэн, конечно, здорово разгружал его, ведя бухгалтерию, составляя графики смен и заведая бытом работников, но ключевые стратегические решения по-прежнему оставались на Гоудане.

Лютые морозы, перебои с транспортом, допотопная связь — любая мелочь грозила обернуться катастрофой и доводила до белого каления.

— Нет, так дело не пойдёт, — ворчал Гоудань, хватаясь за голову. — В следующем году расширяем штат. Кровь из носу нужны люди.

Чэн Шу, которого Гоудань беззастенчиво припряг к делам, лишь скептически фыркнул:

— На словах-то легко. А где ты толковых людей найдёшь?

И то правда: в конце восьмидесятых любой дипломированный специалист спал и видел, как устроится по распределению. Кому — министерское кресло, кому — тёплое местечко на госпредприятии, на худой конец — рабочая специальность на заводе. Главное — заветная «железная чашка риса», гарантия стабильности. Кто в здравом уме согласится променять госслужбу на сомнительную долю наёмника у мелкого частника-индивидуала?

Гоудань прекрасно понимал укоренившиеся предрассудки. В коммерцию тогда шли в основном те, у кого не сложилось с нормальной работой. Торговать на рынке, засунув гордость поглубже, заставляла сама нужда. Сколько бы такой коммерсант ни заколачивал, в глазах приличного общества он оставался маргиналом, «торгашом», подавшимся в дельцы от безысходности.

— Это я так, в сердцах, — вздохнул Гоудань. — Но людей искать всё равно придётся. Не верю я, что в нашей огромной стране не найдётся парочки светлых голов, готовых рискнуть.

— Кто знает, — пожал плечами Чэн Шу. — Вот когда раскрутишься до масштабов Лао Сань Яня или хотя бы моего дядюшки, тогда классные специалисты сами к тебе в очередь выстроятся.

Оба упомянутых господина были настоящими акулами столичного бизнеса. Люди с непростым прошлым и весомыми связями, Гоудань мельком видел их, когда из любопытства заглядывал на закрытые аукционы.

— Да уж, у этих воротил денег столько, что все мои скромные сбережения им на один зуб. Но ничего! Погоди у меня, наступит день...

Договаривать Гоудань не стал, лишь самоуверенно хмыкнул, но Чэн Шу и так всё понял. У этого деревенского паренька амбиции били через край. Впору было только диву даваться, в кого он такой уродился — хватка мёртвая, планы наполеоновские, и ведь верил в свой успех свято, без тени сомнения.

Обычные люди при виде таких авторитетов робели, ловили каждое слово и лезли вон из кожи, лишь бы засвидетельствовать своё почтение. А Гоудань? Нет, он не строил из себя гордеца, просто держался на удивление степенно. По-взрослому так, умудрённо.

Он ни перед кем не пресмыкался. Разговаривал на равных, с достоинством, что само по себе вызывало уважение. При этом, когда нужно, Гоудань умел выкрутиться ужом, проявить поразительную гибкость, но в принципиальных вещах стоял насмерть. Такую внутреннюю силу и цельность характера не симитируешь — это либо есть в человеке, либо нет.

Взять хотя бы их партнёрство: Гоудань гонял Чэн Шу в хвост и в гриву, совершенно не церемонясь. Да, Чэн Шу тоже владел долей в деле и должен был трудиться, но попробовал бы кто другой так им понукать! А с Гоуданем это выходило как-то само собой, без обид и фальши. Разница в социальном положении его ни капли не смущала.

Он и с дядюшкой Чэн Шу общался спокойно, без заискивания и робости. Старик, к слову, от Гоуданя был в полном восторге: хвалил за хватку и прочил большое будущее. Чэн Шу давно смекнул: этот деревенский простак на самом деле умен до чрезвычайности. К каждому умел найти подход, говорил именно то, что от него хотели услышать, но делал это так искренне, что подкопаться невозможно.

Если кто-то при Чэн Шу заводил речь о «простодушном и прямом парне Ли Кае», тот лишь мысленно крутил пальцем у виска.

— Послушай, у тебя среди знакомых бездельников толковых ребят не завалилось? — как ни в чём не бывало спросил Гоудань, не подозревая, какие бури бушуют в душе приятеля. — Порекомендуй кого-нибудь, по оплате не обижу.

— Нет таких, — отрезал Чэн Шу.

Чем ближе были праздники, тем сильнее закручивался рабочий водоворот. Чтобы стимулировать людей трудиться сверхурочно, Гоудань ввёл щедрую оплату за переработку и прозрачно намекнул, что перед отъездом по домам каждый получит весомый праздничный конверт.

— Поднажмите, ребята, — напутствовал он подчинённых. — Такой аврал бывает лишь раз в году. Зато после праздников я вам дам перевести дух — разрешаю вернуться на работу попозже.

Всё равно в первые недели после Праздника весны торговля традиционно замирала. Народ затягивал пояса после трат, донашивал обновки и доедал новогодние запасы, так что затишье в лавке было делом предрешённым.

— Сейчас главное — выложиться на полную. Да, тяжело, но продажи вырастут, а вместе с ними — и ваши проценты! Положите в карман хорошую сумму, вернётесь в родные края завидными женихами. Глядишь, и свадьбу сыграете, а?

Работники дружно загоготали, принимаясь подначивать друг друга. Костяк коллектива составляли крепкие парни, на долю конторских служащих приходилось едва ли процентов двадцать.

Закончив пламенную речь, Гоудань отвёл Чжан Хэна в сторону:

— С сегодняшнего дня я из личных средств выделяю деньги на питание. Пусть хозяйка готовит посытнее — добавь парням к каждому обеду ещё по одному мясному блюду.

Это было заслуженной наградой за изнурительный труд. Когда Чжан Хэн объявил новость коллективу, общежитие загудело от восторга. В те годы купить хорошее мясо всё ещё

оставалось задачей не из лёгких. Карточную систему хоть и отменили, но прилавки мясных отделов частенько пустовали. Животноводство в стране восстанавливалось медленно, на откорм одного кабанчика уходил без малого год, так что для большинства простых семей мясо оставалось праздничным деликатесом.

За полтора года упорной работы вчерашние деревенские парни, пускай и не обученные высоким наукам, превратились в первоклассных зазывал и продавцов. Прежде нелюдимые и косноязычные, теперь они соловьями разливались перед покупателями; а те, кто и раньше за словом в карман не лез, овладели искусством убеждения в совершенстве. Слово за слово — и сделка в кармане. Собственная кузница кадров Гоуданя наконец начала приносить щедрые плоды.

Даже Дафу и Инью, которых Гоудань когда-то вывез из родной деревни, переменились до неузнаваемости. Инью и раньше отличался природной хитрецей, а вот Дафу всегда был парнем простым, как три копейки. Теперь же он не только лихо умасливал самых придирчивых клиентов, но и в разговорах с родителями перестал быть безропотным теленком. Научился держать язык за зубами, понимать, где промолчать, а где мягко настоять на своём.

Городская жизнь и впрямь творила чудеса.

Перейдя на второй курс столичного вуза и покрутившись в кругу образованных людей, Гоудань заметно пообтесался. Его манеры сделались мягче, кожа на лице посветлела, а бывшая угловатость уступила место сдержанной уверенности. Да и в разговорах он больше не стремился уязвить собеседника едким словом.

Когда он был спокоен и не проецировал вокруг себя волны тяжёлой, пугающей ярости, на него любо-дорого было взглянуть — статный, видный юноша. Белая, отутюженная рубашка, строгие чёрные брюки — ну чисто молодой интеллигент из хорошей семьи.

Раньше-то на контрасте с изящным, утончённым Ван Сюанем он смотрелся форменным разбойником — темнокожий, хмурый, точно грозный дух-хранитель с монастырских врат. А поскольку парни шагу друг без друга ступить не могли, эта забавная разница вечно бросалась в глаза прохожим.

— Представляешь, мне тут одна почтенная матушка комплимент отвесила! — сияя от гордости, похвастался Гоудань, едва завидев Ван Сюаня. — Сказала, что я парень хоть куда, и даже вызвалась сосватать мне свою внучатую племянницу!

Его впервые в жизни похвалили за внешность, и на душе у парня было пять охота. В конце концов, кому не хочется казаться привлекательным?